

И.В.Вернер

МЕТОДОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА ПОЛЯХ СЛАВЯНО-ГРЕЧЕСКОЙ ПСАЛТЫРИ 1552 Г. В ПЕРЕВОДЕ МАКСИМА ГРЕКА

Анализируются присутствующие в интерлинейных славяно-греческих списках Псалтыри 1552 г. в переводе Максима Грека маргинальные глоссы и пометы, связанные с греческим языком. Репертуар и количество маргиналий довольно широки, они охватывают все уровни языка и значительно расширяют наши представления о бытовании греческого языка в Московской Руси XVI в. Эти глоссы рассматриваются как имплицитные фонетические, лексические и грамматические комментарии, имеющие дидактический характер и предназначенные для совершенствования владения языком-источником славянскими переводчиками Св. Писания. Дидактические комментарии Максима Грека строятся на вопросно-ответном принципе и принципе антистиха, лежащих в основе школьной византийской грамматики. Совокупность маргинальных дидактических глосс составляет особого рода пособие для изучения греческого в «дограмматический» период.

Ключевые слова: греческий язык, церковнославянские переводы с греческого, глоссы, Псалтырь, Максим Грек

Основы изучения греческого языка в Московской Руси были заложены в деятельности Геннадиевского кружка новгородских книжников и связаны с фигурой доминиканца Вениамина, переводчика «латинских» книг Геннадиевской Библии 1499 г. [1]. По предположению А.Д.Седельникова, учеником «отчасти» владевшего греческим Вениамина был писец-каллиграф Тимофей Вениаминов [2], который на элементарном уровне знал не только латинский, но и греческий языки и в конце 80-х — начале 90-х гг. XV в. переписал греческую часть рукописи евангельских чтений (РНБ. Кир.-Бел. № 36/41). Б.Л.Фонкич, анализировавший эти тексты на греческом и церковнославянском, расположенные беспорядочно и переписанные не для использования за богослужением, а с учебной целью, отмечал, что Тимофей в какой-то степени знал разговорный греческий, но не владел ни навыками книжного чтения, ни книжного письма, поэтому передавал греческий текст преимущественно кириллическими буквами, с отражением итацизма, безразлично употребляя знаки ударений и придыханий и делая ошибки в прочтении некоторых минускульных начертаний греческого протографа [3, с. 28-67]. Фонкич предполагал, что сопоставимый уровень знания греческого был присущ и остальным русским членам Геннадиевского кружка. Похожую картину демонстрируют и единичные записи по-гречески в славянских рукописях XV—XVI вв. [4].

С приездом в Москву Максима Грека начинается новый этап в освоении греческого русскими книжниками: возрастает число в большей или меньшей степени знакомых с греческим и меняется характер их владения языком. К числу известных нам учеников Максима принадлежит троицкий монах Селиван (Силуан), который в сотрудничестве с Максимом в 1523—1524 гг. перевел с греческого Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея и, возможно, Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна [5]. Селиваном было составлено предисловие к Беседам на Евангелие от Матфея, в котором он, как позже и Нил Курлятев в предисловии к переводу Псалтыри 1552 г., особо подчеркивает грамматический характер своего овладения греческим языком и следование в переводе «разуму» слов, т.е. смыслу, а не форме [6, с. 626-631]. В период тверской ссылки Максим обучал греческому Вениамина, ризничего тверского епископа Акакия. Процесс обучения иллюстрируют дидактические материалы на полях переписанной Максимом греческой Псалтыри (РНБ. Соф. № 78). С конца 40-х гг. XV в. в Троице-Сергиевом монастыре учеником Максима и инициатором перевода Псалтыри 1552 г. стал инок Нил Курлятев [7]. Описанные Нилом в предисловии к переводу детали работы с Максимом находят многочисленные подтверждения в глоссах и пометах на полях двух интерлинейных славяно-греческих списков Псалтыри 1552 г., переписанных в Троице-Сергиевом монастыре в начале XVII в. (РГБ, ф. 173.1 № 8 и 9) [8, 9].

Совокупность дидактических материалов, дошедших до нас в составе различных переводных текстов Максима Грека, позволяет говорить о системном характере обучения греческому языку в процессе перевода. Маргинальные греческие учебные глоссы и комментарии затрагивают почти все уровни языка. В этих комментариях, пусть и имплицитно, но присутствует, во-первых, фонетика: уже на л. 1 об. РНБ. Соф. № 78 дан список омофонов, способных порождать ошибки перевода [10, с. 26]; примеры подобных форм разбираются Максимом и в тексте «Слова отвещательна о книжном исправлении» [11, с. 145-150]. Во-вторых, есть грамматические комментарии (склонение артикля ὁ, ἡ, τό и местоимения ὅς, ἥ, ὅ в ед. и мн. числе, спряжение глагола εἶναι на лл. 2, 108 об. РНБ. Соф. № 78, порядковые числительные ср. рода от 1 до 20, далее десятки от 30 до 100 на л. 13 об. сборника сочинений Максима Грека РГБ, ф. 304.1 № 200). В-третьих, во всех текстах широко представлены лексические пометы, причем между разными текстами есть совпадения: к примеру, приведенная на л. 159 греческой Псалтыри 1540 г. лексико-семантическая группа «боевого снаряжения», где слав. меч соответствуют греч. синонимы ῥομφαία, ὅπλον, ξίφος, φάσγανον, ἄορ, σπάθη, а слав. доспѣхи — греч. ἐντεα и τεύχη, находит отражение и в глоссах интерлинейных списков Псалтыри 1552 г.: 56:5 нѡжь ѡстрѣ (μάχατρα) — глосса мѣчь (ξίφος), 75:4 шѣтъ ї ѡрѣжіе (ὅπλον καὶ ρομφαίαν) — глосса доспѣхъ, 151:7 ѡрѣжіе (μάχατραν) — глосса нѡжь, 149:6 мечї обоудѡстры (ρομφαίαι) — глосса ѡрѣжіе. Совпадают в Псалтыри 1540 г. и в интерлинейных списках Псалтыри 1552 г. некоторые маргинальные лексические глоссы.

Интерлинейные тексты Псалтыри 1552 г. значительно расширяют наши знания о бытовании греческого языка в окружении Максима Грека. Прежде всего, присутствующая еще в дидактических материалах в греческой Псалтыри 1540 г. (РНБ. Соф. № 78, л. 2) запись греческих словоформ (артиклей и местоимений) кириллическими буквами находит свое системное продолжение в оформлении подстрочного греческого текста, что позволяет говорить об этом как о последовательном методе передачи иноязычного текста в учебных целях. Запись греческого подстрочного текста в Псалтыри 1552 г. выполнена «модифицированным» славяно-греческим полууставом, в котором многие буквы имеют славянизированный облик: *ν* может писаться по-гречески (и с переключением наискосок) и по-славянски с горизонтальной переключкой; *η* пишется как славянская *и*; варьируются в написании *α* и *α* (в минускульном варианте *α* пишется только в составе дифтонгов); дифтонг *ου* может выглядеть как *ου*, *ου* или *8*; *υ* пишется в стандартном минускульном виде либо как славянская *у*. Часто имеет варианты *ω*: присутствуют минускульные написания с тремя вершинами и в виде лежащей восьмерки, но чаще встречается геометрический вариант в виде перевернутой буквы «покой» с широким основанием, а также сходное с *υ* начертание. В «невных» дифтонгах последовательно игнорируется «подписная» йота (*iota subscriptum*), под *α*, *φ*, *η* она не пишется. *τ* пишется только как трехмачтовая славянская «твердо», иногда с укороченной первой мачтой. Такой же славянский облик имеет и греческая *β* — она пишется как прямоугольная славянская «веди» в варианте грецизированного полуустава (в строке славянского текста «веди» пишется иначе). *σ* и *ς* не различаются и всегда передаются одной буквой *с*, *ζ* пишется как славянская *з*. Славянский облик имеют знаки придыхания и ударения: греческое обличенное ударение оформляется как славянская камора, знаки тонкого и густого придыхания не различаются между собой, знаки придыхания при акуте / грависе, а также под знаком обличенного ударения имеют вид славянского *исо*. Греческое титло (*͵*) часто заменяется или дублируется привычным славянским вариантом (*҃*). В целом можно говорить о распространении названного типа славянского письма, т.е. грецизированного полуустава рубежа XV—XVI вв., на греческий текст. Хотя почерки писцов двух интерлинейных рукописей существенно разнятся, к каждому из списков в отдельности в полной мере применима характеристика, данная в свое время Н.В.Синицыной почерку Максима Грека: «Тождество греческого и русского письма выступает особенно очевидно и наглядно, так что с первого взгляда создается впечатление единого письма, выполненного на основе общего алфавита» [12, с. 29].

Особая ценность подстрочной записи греческого текста состоит в том, что она отражает живое греческое произношение XVI в. с помощью многочисленных орфоэпических помет, сделанных кинематографом (реже чернилами) над греческим текстом. Византийское произношение передавали уже формы артиклей и местоимений в кириллических написаниях на л. 2 греческой Псалтыри 1540 г.; в Псалтыри 1552 г. «транскрипция» обособлена от орфографической записи греческого текста и вынесена над строкой. Такие пометы в интерлинейных списках Псалтыри 1552 г. представлены с неравномерной плотностью: в середине рукописи они более интенсивны, чем в начале и конце; на некоторых страницах пометы единичны, на других многочисленны; где-то отмечено повторяющееся произношение одного и того же слова, в других случаях обозначаются разные орфоэпические особенности. К примеру, на разворотах лл. 11 об.-13 об. (РГБ, ф. 173.1, № 8) представлены следующие орфоэпические знаки: над *θ* стоит *т* (*τὸν ἐχθρὸν, σαλευθῶ, οἱ ὀφθαλμοί, ἦσθα, ἀπολεῖσθαι*); над конечной *ς* — славянская *з*, отмечающая озвончение [s] в позиции перед следующим словом на звонкий согласный (*γενεᾶς εἰς γενεάν, ὡς λέων*); славянские буквы *б*, *д* и *г*, написанные над греческими *π*, *τ*, *κ*, передают озвончение звуков [p], [t] и [k], стоящих в позиции после [n] (*ἐν καρδίᾳ, ἐν τῇ μάντρᾳ, τὸν πένητον, σύντριψον, ἀνταναιρεῖται, ἐν παντί κατῶ, ἐν ταῖς ἐπιθυμίαις, τὸν πένητα, τὸν κύριον*); над *υ* в составе дифтонгов стоит *ѳ*, указывающая на произношение *υ* как глухого согласного перед следующим глухим (катакуртеῖσαι, ἀνευ какоῦ, μεγαλυχεῖν). На разворотах лл. 111 об.-114, кроме этого, присутствуют дополнительные пометы: над недифтонгическим *υ* стоит *и* (*ψυχὴ ὑμῶν, θυμὸς, σὺ, ὑπὲρ*), над дифтонгом *αι* — *е* (*καὶ, δικαῖον, δικαιοσύνη, τάλαιπωρία, αἰσχύνην, αἰνέσω, αἰνέσει, Ιουδαίας, κωδομηθήσονται*), над дифтонгами *ει* и *οι* — *и* (*αἰνέσει, κατοικήσουσιν ἐκεῖ, οἱ οὐρανοί, ἀρέσει, πτωχοί, εἰμι, ἀντελάβοιτό, ἐξαλειφθήτωσαν*). Над *υ* в составе дифтонгов, стоящих перед гласным или звонким сонорным, а также *φ*, стоит *в* (*τραυματιῶν, εὖγε εὖγε, εὐφρανθήτωσαν*).

В некоторых случаях указанные в надстрочных орфоэпических пометах особенности византийского произношения проникают и непосредственно в подстрочный греческий текст: вместо *ει* и *υ* пишется *и*, вместо *αι* пишется *е*, вместо *υ* перед согласными пишется *ф*.

Репертуар маргинальных глосс в Псалтыри 1552 г. довольно широк и включает в себя грамматические и лексические глоссы, преимущественно иллюстрирующие ошибки и неточности старшего перевода [13, с. 24-32]. Однако среди снабженных греческим переводом форм на полях присутствует достаточно отвлекающих от текстологии глосс дидактического характера. Те или иные чтения служат для Максима поводом объяснить Нилу Курлятеву особенности греческого словообразования, привести синонимы или лексико-семантическую группу.

Небольшое количество глосс отражает многозначность лексем: 73:17 *л҃ѣто*, *и веснѣ*, *ты со́здаль еси́ ѿхъ* — глосса *жѣтва* (греч. *θέρους* как «время года» и «время жатвы», для второго значения также *θερисμός*); 150:3 *вѣ́лѣсѣ трѣбѣмъ* — глосса *шѣмъ*, 150:5 в *ки́валѣхъ* *добрѣгласны* — глосса *шѣмны* (греч. *ἦχος* (*εὐήχος*) как «звук» и «шум»), Песнь 7:36 *при кра́и мо́ря* — глосса *оу́стна* (греч. *χεῖλος* как «губа» и «край»), 118:25 *прилѣ́земъ дшѣ моѣ* — глосса *мо́сть* (греч. *ἔδαφος* как «земля» и «мост»). За исключением последней, эти глоссы

даны без греческого перевода, поскольку многозначная греческая лексема стоит в подстрочном тексте. Возможно, эти глоссы могли быть обязаны своим появлением единичным случаям внеконтекстного перевода в каких-то старших текстах, однако чтения в основных списках старшей псалтырной редакции («киприановской») в данных примерах совпадают с текстом Псалтыри 1552 г. Поэтому более оправданным представляется объяснение возникновения этих глосс имплицитной лексикографической практикой.

Глоссы могут представлять словообразовательные отношения греческих лексем и их славянских соответствий: 9:21 законоположника (νομοθέτην) — глосса законодávца (νομодότην); 135:7 свѣтила (φωστῆρες) — глосса свѣта (φῶτα), 59:6 знамѣние (σημείων) — глосса знамѣновáние (σημείωσιν); 7:12 сѣдиá (κριτής) — глосса сѣдíte^н (δικαστής) (все глоссы снабжены греческим переводом). Внимание к словообразовательным и семантическим связям лексем в этих случаях выступает следствием решения вопросов текстологии: часть словообразовательных вариантов обязана своим появлением различным чтениям греческих списков (135:7 φωστῆρες / φῶτα), другая часть — разночтениям славянских списков (7:12 сѣдиá / сѣдíte^н; 9:21 законоположника / законодávца).

Некоторая часть двуязычных глосс преследует исключительно учебную цель. К ним относятся глоссы, продолжающие традицию сопоставления омофонов по принципу антистиха [12], представленную в записях греческой Псалтыри 1540 г. и в оригинальных сочинениях Максима Грека. Так, ряд глосс оговаривает грамматически омонимичные формы: к 7:9 гѣ сѣдíti бѣде^т — крини — кривѣ дана глосса сѣди^т люде^м крѣни, указывающая на омонимичные в греческом формы будущего и настоящего времени (в 9:9 та же самая форма сопровождается славянской глоссой без греческого перевода); различие форм настоящего и будущего времени демонстрирует и глосса пою ψάλλω (ψάλλω) к чтению 7:18 в'спою — ψαλw — ψαλw̃. Представлены и пары паронимов: 140:6 насладѣшá — и́дѣнѣсан — ἡδύνθησαν (глосса возмо́гоша и́динѣсан); 68:27 поразѣль еси́ — ἐπάταξας — ἐπάταξας (глосса оустро́илъ еси́ ἐπέταξας), Песнь 9:79 сѣти — ἐπιφάναί — ἐπιφάναί (глосса я́вилъ еанина́).

Иногда, напротив, одна и та же грамматическая форма в славянском переводе обуславливает необходимость отметить ее соответствие разным греческим, ср. в случае соположенных в соседних стихах греческих форм будущего времени в индикативе и аориста в сослагательном наклонении: 36:28 ἐγκатаλείψει и 36:33 ἐγκαταλίποι (обе переведены формой не в'ставить). В последнем чтении на полях стоит глосса ψεῖ, лапидарно указывающая на возможность иного греческого эквивалента. Та же самая ситуация представлена и для разных греческих лексем, в славянском тексте имеющих одинаковый перевод: 103:22 въ ложа́хъ свои́х — ἐν τὰς μάνδρας αὐτῶν. Глосса ѿрада /: ложе /: ко́ити, с одной стороны, хотя и предлагает новый перевод, но фиксирует возможность существующего перевода греч. μάνδρα, обозначающего «ложе для животного, место в хлеву», а с другой, приводит иную лексему ко́ити со значением «ложе, постель».

В нескольких случаях славянское чтение используется для иллюстрации не представленных в тексте возможностей греческого словообразования:

144:14 и́справлѣть — дѣорѣи — διορθῶ, глосса воставлѣ^т, а ниже приведены приставочные греческие варианты для славянского и́справлѣть — ἀνορθοί, ἐπάνορθοί, каторѣоῖ; 9:4 ѿврати́тися — ἀποστραφῆναι, глосса возврати́ ἐπιστρεφί.

Другая группа глосс демонстрирует греческий синонимический ряд:

9:3 возрадѣюса — ἀγαλλιῶσομαι — ἀγαλλιάσομαι, глосса харисόμε то́же тер8тисоме;

5:10 могила — τάφος — τάφος, глосса гробъ мнѣма то́же пѣмвос мнѣмѣн ирѣи;

10:1 вѣбеи — στρουθίον — στρουθίον, глосса птѣца петѣна ѿрнис ѿрнѣиá;

9:6 потреби́ еси́ — ἐξήλειψας — ἐξήλειψας, глосса аполѣсас то́ж офанисас то́ж заглади́ еси́;

70:8 хвалѣнѣа — αἰνέσεως — αἰνέσεως, глосса похвалы́ ѣпенос то́ж ко́иχѣмон.

Во всех этих случаях приводимые в глоссе греческие синонимы даны без перевода, что еще раз подчеркивает их практический, учебный характер.

Обращение внимания на сугубо лингвистические подробности неизменно сопряжено с переводом, и мотивом для возникновения тех или иных дидактических глосс всегда выступает греческий текст Псалтыри. Однако лингвистическая мысль переводчика направлена одновременно и на конкретные формы текста, и, в отвлечении от последних, на определенные системные языковые отношения. Например, встречающийся в 140:6 глагол проφασίζεσθαι, в славянском тексте переведенный как извѣты творѣти, дает Максиму Греку повод привести его производящее существительное в глоссе извѣты профасеис (προφάσεις). Глагольная форма будущего времени в 17:3 ѡповáю — ἐλπῶ — ἐλλῶ сопровождается глоссой с формой настоящего времени ѡповáю елпѣзw (ἐλλίξω). Постоянно употребляющиеся в Псалтыри производные от θαῦμα — чудо заставляют Максима объяснить в глоссах 9:2 и 106:21 чюдеса́ ѡумата необходимость выдерживать в переводе соответствие существительных (чюдеса́ — θαύματα) и субстантивированных адъективов (чюдѣснаа — τὰ θαυμάσια), о которой упоминает Нил Курлятев в своем предисловии к Псалтыри 1552 г. [10, с. 97]. В старшем переводе это соответствие постоянно нарушается, и Максиму приходится править чюдеса́ на чюдѣснаа. Этот же тип исправлений представлен в глоссе злѣ ка́кѣн (так в предшествующей редакции Псалтыри) к чтению 90:10 злáа — κακά — κακά.

Наконец, многочисленные неточные переводы старшей редакции славянской Псалтыри заставляют Максима Грека выносить прежние чтения на поля, сопровождая их греческим переводом, отличающимся от чтения подстрочного греческого текста. Таким образом возникают пары лексем, входящие в одну лексико-семантическую группу, ср. 65:15 съ козлищи (μετὰ χιμάρων) — глосса боранъ (κρίος), 113:14 нось (ῥίνας) — глосса нозъдри (μυκτήρις), 25:10 даровъ (δώρων) — глосса мзды (μιστός), 118:39 ревность (ὁ ζῆλος) — глосса жалость (οἶκτος), 103:21 брашно βρῶσιν — глосса пѣщъ (τροφή), 43:2 во днѣхъ дрѣвни^х (ἀρχαίαις) — глосса пѣрвы^х (πρώτης), 68:5 тѣне δωρεάν — глосса в'соуе (μάτην), 49:4 в'вѣрхъ (ἄνω) — глосса свѣше (ἄνωθεν), 103:26 преходать (διαπορεύονται) — глосса преплываю^т (διαπλεύσοι), 5:11 прегорчѣша (παρελίκραναν) — глосса прогнѣваша (παρόργισαν) и др.

Таким образом, совмещение переводческой и дидактической практики в процессе работы над новой редакцией славянской Псалтыри de facto имело своим результатом появление особого рода пособия по изучению греческого как языка-источника текстов Св. Писания. Максим Грек, ставший для последующей церковнославянской грамматической традиции непререкаемым авторитетом, не оставил после себя традиционной кодифицирующей грамматики: ему приписываются лишь мелкие статьи фонетико-орфографического и компилятивно-обобщающего грамматического содержания [6, с. 582-626]. Размещенное на полях перевода Псалтыри «руководство» Максима Грека в греческом языке, разумеется, также не является парадигматической грамматикой, но тем не менее охватывает довольно большой языковой материал и складывается на основе методологических принципов, актуальных для средневековой византийской школьной грамматики. Фонетические глоссы («транскрипция») и грамматические комментарии Максима основываются на традиционном принципе антистиха (греч. ἀντίστοιχον, лат. littera pro littera), т.е. графического противопоставления омонимичных форм [14, с. 129]. Отвлекающиеся от текстологии лексические комментарии, расширяющие словник Псалтыри, восходят к традиции эротимат, т.е. вопросно-ответного изложения языкового материала, представленного как в античных, так и византийских грамматиках, в том числе современных Максиму Греку грамматиках Мануила Хрисолора и Константина Ласкариса. В соответствии со средневековой традицией на вопросы ученика (в данном случае Нила Курлятева, который частично воспроизводит свои вопросы к Максиму в предисловии к переводу Псалтыри), на полях текста отвечает учитель и наставник Максим Грек.

1. Турилов А.А. Вениамин (2-я половина XV в.) // Православная энциклопедия. 2004. Т. 7. С. 627-629.
2. Седельников А.Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук СССР 1925 года. Т. XXX. Ленинград, 1926. С. 205-225.
3. Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М.: Индрик, 2003. 512 с.
4. Тихомиров М.Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря // Археологический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 11-36.
5. Буланина Т.В. Силуан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Часть 2. Л-Я. Л.: Наука, 1989. С. 321-323.
6. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1885-1895. С. 289-1023.
7. Буланин Д.М. Нил Курлятев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Часть 2. Л-Я. Л.: Наука, 1989. С. 131-133.
8. Вернер И.В. Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики XV Международного съезда славистов. М.: Древлехранилище, 2013. С. 104-128.
9. Вернер И.В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522—1552 гг.: хронология, текстология, методология // Славяноведение. 2017. № 2. С. 40-54.
10. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л.: Наука, 1975. 351 с.
11. Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 432 с.
12. Синицына Н.В. Максим Грек в России. М.: Наука, 1977. 332 с.
13. Интерлинейная славяно-греческая Псалтырь 1552 г. в переводе Максима Грека / Исследование и подготовка текста к изданию И.В.Вернер. М.: Индрик, 2019. 928 с.
14. Гаврилов А.К. Языкознание византийцев // История лингвистических учений. Средневековая Европа / Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. Л.: Наука, 1985. С. 109-156.

References

1. Turilov A.A. Veniamin (2-ya polovina XV v.) [Benjamin (second half of the 16th century)]. Orthodox encyclopedia, 2004, vol. 7, pp. 627-629.
2. Sedel'nikov A.D. K izucheniyu "Slova kratka" i deyatel'nosti dominikantsa Veniamina [Towards a study of the "Slovo kratko" and the activities of the Dominican Benjamin]. Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Akademii Nauk SSSR 1925 goda, vol. XXX. Leningrad, 1926, pp. 205-225.
3. Fonkich B.L. Grecheskiye rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV — nachale XVIII v. [Greek manuscripts and documents in Russia in the 14th — early 18th centuries]. Moscow, 2003, 512 p.
4. Tikhomirov M.N. Zapisi XIV—XVII vekov na rukopisiakh Chudova monastyrja [Records of the 14th—17th centuries on the manuscripts of the Chudov Monastery]. Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1958 god. Moscow, 1960, pp. 11-36.
5. Bulanina T.V. Siluan. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and books of ancient Russia], vol. 2 (second half of the 14th—16th c.), part 2: L-YA. Leningrad, 1989, pp. 321-323.
6. Yagich I.V. Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoy stariny o tserkovnoslavyanskom yazyke [Thoughts of the South Slavic and

- Russian antiquities about the Church Slavonic language]. *Issledovaniya po russkomu yazyku*, vol. 1. Saint Petersburg, 1885—1895, pp. 289-1023.
7. Bulanin D.M. Nil Kurlyatev. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of scribes and books of ancient Russia], vol. 2 (second half of the 14th—16th c.), part 2. L-YA. Leningrad, 1989, pp. 131-133.
 8. Verner I.V. Grammaticheskaya sprava Maksima Greka v Psaltyri 1552 g. [Maximus the Greek's grammatical revision in the Psalter of 1552]. Proc. of "Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki". Moscow, 2013, pp. 104-128.
 9. Verner I.V. K istorii perevoda Psaltyri Maksimom Grekom v 1522—1552 gg.: khronologiya, tekstologiya, metodologiya [Towards a history of the translation of the psalms by Maximus the Greek in 1522—1552: chronology textology methodology]. *Slavyanovedeniye*, 2017, no. 2, pp. 40-54.
 10. Kovtun L.S. Leksikografiya v Moskovskoy Rusi XVI — nachala XVII v. [Lexicography in Muscovite Russia of 16th — early 17th century]. Leningrad, 1975. 351 p.
 11. Prepodobnyy Maksim Grek. Sochineniya [Works], vol. 2. Moscow, 2014, 432 p.
 12. Sinitsyna N.V. Maksim Grek v Rossii [Maximus the Greek in Russia]. Moscow, 1977. 332 p.
 13. Verner I.V. Interlinearnaya slavyano-grecheskaya Psaltyr' 1552 g. v perevode Maksima Greka. [Interlinear Slavonic-Greek Psalter of 1552 by Maximus the Greek]. Moscow, 2019. 928 p.
 14. Gavrilov A.K. Yazykoznanie vizantiytssev [Linguistics of the Byzantines]. Desnitskaya A.V., Katsnel'son S.D., eds. Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Srednevekovaya Evropa. Leningrad, 1985, pp. 109-156.

Verner I.V. Methodology of teaching Greek on the margins of the Slavonic-Greek Psalter of 1552 translated by Maximus the Greek. The article analyzes marginal glosses and notes related to Greek in the interlinear Slavic-Greek lists of the Psalter of 1552 translated by Maximus the Greek. The repertoire and the number of marginalia are quite wide, they cover all levels of the language and significantly expand our understanding of the existence of Greek in Muscovite Russia of the 16th century. These marginalia are considered as implicit phonetic, lexical and grammatical comments that are didactic in nature and intended to improve Greek language proficiency of the Slavic translators of Holy Scripture. These comments are based on the question-and-answer principle and the antistichon principle underlying the Byzantine school grammar. That set of marginal didactic glosses is a special kind of manual for learning Greek in the "pre-grammatical" period.

Keywords: Greek, Church Slavonic translations from Greek, glosses, Psalter, Maximus the Greek.

Сведения об авторе. Инна Вениаминовна Вернер — к. филол. н. (специальность 10.02.01), доцент, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН; ORCID: 0000-0002-8385-3599; inna.verner@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.06.2020. Принята к публикации 01.07.2020.